

Секция 8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Т. А. АПИНЯН,

*профессор кафедры общественных и гуманитарных наук
Санкт-Петербургской государственной консерватории
им. Н. А. Римского-Корсакова, доктор философских наук*

МИФ О САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ТОПОС И ХРОНОС

Города-мифы возникают, подобно легендарной эзотерической Агарте, на скрещивании магнитных течений, пересекающих Землю. Даже отрешившись от всяческих геологических, физических и тому подобных теорий, мы не можем не признать, что Санкт-Петербург с момента возникновения существует в силовом пространстве множества духовных течений, концепций и интерпретаций, предметом которых, собственно, он и является. Артикулируются идеи о европейском городе в «византийско-азиатском» пространстве остальной России, о городе-корабле, Северной Венеции и морском форпосте, о «культурной столице» — антиподе Москвы, и т. д. и т. п. Но не только научно-рациональные концепции развиваются в данном случае. Здесь соединяются в синкретическом порыве мифы об основателе города и о самом факте основания; о судьбах людей, сопричастных городу; о знаках, знамениях и пророчествах, об избранничестве и проклятии, а наряду с этим множество других — имплицитных, соответствующих отдельным домам, улицам, событиям, людям и временам. Чем больше линий-сообщений, линий-интерпретаций пересекается, тем интенсивнее складывается мифопорождающая ситуация, а город приобретает особую мифологичность, обрекающую каждое следующее мнение о нем осуществляться по канонам мифа.

Мифологическое сознание живет по законам обратной перспективы, по модели, хорошо известной в случае иконы, амулета, символа. Так же существует мир на фотографии или в зеркальном отражении, когда предметы приобретают другой вид, другие пространственные ракурсы и объемы. Нечто иное, сакральное, горнее, выражает себя через профанное, реальное, мирское.

Обратим внимание, что наш город только самым банальным сознанием — сознанием непросвещенного чужака — воспринимается в режиме «реального времени». Для всякого другого, в какой-то момент забывшего бытовую суету, город выступает в режиме мифа, когда феномены реальности становятся знаками того, что просматривается сквозь них, символами иного знания и порождаемых им чувств. В отношении Санкт-Петербурга весьма уместно применить постструктуралистский термин «ризомы» — то, что у Делеза и Гваттари подразумевает «сетку», где каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Ризома так устроена, что в ней нет центра, периферии, выхода. Ее можно воспроизвести, но она может оказаться совершенно иной, подобно «зоне» в фильме А. Тарковского «Сталкер». Потенциально такая структура безгранична. Пространство ризомы — пространство догадки, открытия, чуда, называющегося на языке науки о мифе «нумен» (озарение, откровение, трепет). Абстрактная модель процесса догадки — лабиринт, по которому очень хочется бродить. Таков старый Санкт-Петербург, подвигающий к пешему ходу «глазеющего по сторонам» человека.

Город порождает и формирует мифотворцов подобно тому, как писатель формирует читателя: обучая, открывая глаза на знакомый/незнакомый фрагмент бытовой реальности, переиначивая привычное, подвигая к размышлению. Наверное, еще и потому, что он знает, что нужно человеку, соответствует его ожиданиям и утоляет их. Здесь в дело идут эстетические законы, закодированные в архитектурных творениях, в «мизансценах» переулков, каналов и рек, а также культурные коды, опирающиеся прежде всего на ли-

тратуру, а за ней — на графику, книжные иллюстрации, театр, а для самых «продвинутых» — на чужие воспоминания и на музыку. Все вместе они реализуют исконное человеческое влечение существовать в ауре духовности, напитываясь и оздоравливаясь ею.

Город вступает в диалог. Его «текст» должен стать устройством для преобразования собственного «читателя». Того, кто согласен вступить с ним в интеллектуальную и духовную игру, в интеллектуальное пространство мифотворчества, инспирированное реальной действительностью.

Первый закон мифа: событие можно понять только через другое событие — предшествующее или контекстуальное. Мифология по своей сути (ноуменальности) есть гипертекст в самом полном смысле этого постмодернистского термина. Невозможно понять петербургские дома без минимального знания архитектуры; символов колонн, статуй, решеток — без знания античной мифологии, геральдики. Литературоведение — преамбула к «прочтению» мемориальных зданий и дворов. Сегодня ко всему этому прибавилась история петербургского андеграунда, рока и недавнее прошлое нынешних интеллектуалов — поколения «кочегаров и дворников». Миф нельзя понять без другого мифа, а понимание контекста зависит от следующего контекста, и так до бесконечности: создается в конкретный момент максимальная, но не исчерпанная, не окончательная насыщенность пространства понимания.

Мифогенность пространства Петербурга задается реализацией мифологической модели, присутствием феноменообразующих констант. События, предшествующие возникновению какого-либо объекта, включая сам город, объясняют факты действительности по принципам отношения «сакральное-профанное». Фигура Петра I как основателя Петербурга легко прочитывается как образ демиурга, сакратора — родоначальника, строителя священного города — местопребывания священных персон императоров.

Восприятие Санкт-Петербурга соответствует модели мифологических священных городов. Их отличает высокий уровень развития, использования передовых для своего времени технологий. Здесь проживают «особо знающие». Отметим, что соответствующая данной мифологической максиме концепция утраты и возрождения Ленинградом–Петербургом соответствующего статуса все еще является главным идеологическим концептом.

Динамика подобного сюжета традиционно имеет обратную сторону — как мифологизированное выражение диалектической идеи перерождения, цикличности, бинарности бытия, энтропии. Сакральный мир содержит infernalную сферу, может мутировать в нее, но также быть миражом, фатаморганой. Город-светоч есть оборотень, под царственным обликом которого таится город-призрак, под кораблем-флагманом — корабль Летучего голландца. Город туманов и населяющих его бесов, призраков, Север в традиционной коннотации «север — юг» (зло — добро, смерть — жизнь) (Н. Гоголь, С. Надсон, А. Блок); в крайнем выражении — место апокалипсиса (А. Белый).

Город-миф не существует в реальном времени; иначе говоря, миф может осуществляться только тогда, когда имеется особый сакральный хронотоп — пространственно-временной континуум: «время без времени», место оно.

Сакральное существует до профанного. До него не было ни времени, ни пространства. Это первобытие, вызывающее само существование мира — Вселенной, Земли, профанных времени и пространства. Сакральное — начало архитектоники мироздания и причина появления человека. Все, что есть в профанном мире, — результат какого-то действия в сакральном. Призвание сакральной сферы — установить форму и законы сущего, вызвать обычную человеческую жизнь, создать условия, в которых она должна развиваться. В ней запускается собственно время — начинается история. Сакральное существует также в особом топосе, мыслимом как пустота, но не в однозначном, профанно-бытовом смысле. Пустое пространство содержит потенциальную возможность акта творения, создания структур, подразумевает любой проект. Одновременно — акт самореализации содержащегося в ней самой креативного начала: самосотворение мира, потенция событий. Здесь осуществляется референция — вещи становятся тем, чем их называют.

Сообразно вышесказанному, новая история России началась с города «на берегу пустынных вод», в нем устанавливались имперские и гражданские законы, совершались революции, рождалась новая модель человека, определялись правила его существования. Такая онтологически-креативная презумпция доныне мыслится как сущностная черта Санкт-Петербурга.